Разговор с нерожденным

Николай Глазов

Николай Глазов
Разговор с нерожденным

https://litres.ru/74789972
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга родилась не из дерзости заглянуть за грань, а из тихого желания сделать подарок. Я написал её специально ко дню рождения своего младшего брата Димы, чтобы через историю сказать ему главное: как сильно я его люблю и благодарю Бога за то, что он есть.

Сюжет повести сплетает две реальности. Первая — это тихий разговор в райских чертогах о душе, которой не довелось увидеть земной свет. Вторая — история земной семьи из Бирюлёва, усыновившей мальчика Матвея. Однажды Матвей приводит в дом странного гостя — светлого мальчика Тёму, у которого нет имени и нет прошлого, но есть бездонная любовь.

Это не богословский трактат, а художественное слово о милосердии. История о том, что у Бога нет забытых детей, а любовь сильнее времени, расстояния и самой смерти. Повесть, которая начиналась как личный подарок брату, говорит о самом важном: о доме, который ждет каждого, и о встрече, которая обязательно состоится.

Николай Глазов
Разговор с нерожденным

Повесть «Разговор с нерождённым»

Жанр: православная фантастика
Автор: Глазов Николай Александрович

Благодарность!

За написанную книгу выражаю своему родному восемнадцатилетнему младшему брату Димитрию! Именно ради него я писал эту повесть, и ее посвящаю ему! Надеюсь, что это повесть скажет моему братишке: что я его очень сильно люблю, и благодарю Бога, что он есть и он мой младший брат!

Предисловие

Эта повесть родилась не из желания проникнуть в тайны Божии и не из дерзости сказать о том, что сокрыто от человека. Она родилась из желания подарить своему родному младшему брату Диме книгу и тихого богословского вопроса, который иногда слышится в сердце: что бывает с душой, которой так и не довелось увидеть земной свет? Как гово-

рит о ней милосердие Божие? Я не знаю ответа. Я не дерзаю учить Церковь и не выдаю своё видение за догмат. Но однажды мне представилось нечто, похожее на сон, на притчу, на далёкое отражение в воде. И я записал это так, как увидел. Пусть же читатель примет эти строки не как богословие, а как художественное слово — с молитвой и осторожностью.

И вот меня несут в райские чертоги.

Я не знаю, что это за место и кто меня несёт, но меня очень бережно и аккуратно несёт какое-то белое и прекрасное существо. Оно очень похоже на юношу лет пятнадцати-шестнадцати. Оно всё белое, в белом одеянии. Вот только, наверное, на земле нет таких красивых и прекрасных подростков, как этот шестнадцатилетний юноша. Но вид у него очень печальный.

Я не чувствую ни тяжести, ни страха. Я вообще не понимаю, где я и что со мной. Я словно бы ещё не родился и в то же время уже существую. Я вижу, слышу, понимаю слова — а между тем у меня нет ни прошлого, ни воспоминаний о днях, которых я не видел. Я знаю только одно: меня несут. И несут не грубо, не как ношу, а как великую драгоценность, которую боятся уронить. Руки этого белого юноши светятся тихо, будто сквозь них проходит утренний свет. Его лицо прекрасно и печально. Я хочу спросить его, кто он, но не

смею. Мне кажется, что если я заговорю, то нарушу что-то очень важное.

А он молчит. Он только смотрит вперёд, и в его глазах есть и любовь, и скорбь. Я никогда не видел таких глаз. В них нет ни тени зла, ни тени гордости, но есть такая глубокая печаль, что мне хочется заплакать, хотя я ещё не знаю, что такое слёзы.

И тут мы оказываемся в каком-то светлом месте.

Свет там не такой, как на земле. Он не бьёт в глаза, не слепит, но всё вокруг видно ясно, до последней малости. И в этом светлом месте со слезами стоят Господь и Спаситель наш Иисус Христос и Божия Матерь. Они о чём-то разговаривают, и даже непонятно о чём. Я вижу их не так, как видят люди на иконах, а как-то иначе — ближе и в то же время страшнее. Мне кажется, что я не должен этого видеть, но не могу отвести взгляда.

Божия Матерь плачет. Её слёзы светлые, тихие, и от них не хочется отворачиваться. Господь смотрит на Неё с безграничной любовью. А я лежу на руках у белого юноши и не понимаю, почему они плачут. Кто я? Почему обо мне говорят? Я ведь ничего не сделал. Я ведь ещё не жил.

Тут ангел подлетает, и слышится разговор Божией Матери, Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и Господа.

Божия Матерь ко Христу говорит:

— Это чадо... оно ни в чём не виновато, Сыне Мой возлюбленный.

Голос Её тихий, но слышен так ясно, будто Он звучит не в воздухе, а в самом сердце. В этом голосе нет требования, нет спора. Есть только любовь и просьба.

Господь же, воззрев на Божию Матерь с безграничной любовью, сказал:

— Знаю, что не виновато. Ведь как может быть виноват ребёнок, который даже не видел света? И ничего худого за жизнь сделать не смог.

Я слушаю и всё больше не понимаю. Кто этот ребёнок? Почему о нём так говорят? И вдруг я чувствую, что говорят обо мне. Это меня держит ангел. Это моя душа лежит у него на руках. Я — тот самый ребёнок, который не видел света. Я — тот самый младенец, о котором сейчас говорит Сама Пречистая.

Мне становится страшно. Не потому, что я боюсь наказания, а потому, что я вдруг понимаю: я не знаю, откуда я. Я не помню ни мамы, ни дома, ни голоса, который назвал бы меня по имени. Я не помню даже тьмы. Я знаю только этот свет, эти слёзы и этот тихий разговор.

И Божия Матерь, воззрев на Него, сказала:

— Ну куда же он пойдёт? Ведь он не просвещён светом веры Твоей и истины Твоей. Как Его отправить в ад?

При слове «ад» во мне всё сжимается. Я не знаю, что это такое, но само это слово кажется холодным, как камень. Я не хочу туда. Я не хочу никуда, где нет этого света. Но я не понимаю, в чём моя вина. Я ведь не успел ни согрешить, ни исправиться. Я не успел даже родиться.

Господь, воззрев на Божию Матерь, сказал:

— В ад? Нет, в ад нельзя. Он не виноват.

Мне кажется, что весь свет вокруг становится ещё тише. Даже ангел, который держит меня, замирает. Я слышу, как в этом светлом месте нет ни шума, ни движения, а только слова, которые решают мою судьбу.

Тогда Божия Матерь спросила:

— Господи, тогда его в рай?

Мне хочется вскочить от радости. Рай — это, наверное, хорошо. Рай — это там, где нет слёз, где светло и где Бог. Я уже почти готов улыбнуться, хотя не знаю, умею ли я улыбаться. Но Господь медлит. И я вижу, как Его лицо становится печальным.

И Господь, поникший, ответил:

— Но он не просвещён светом веры и не рождён от воды и духа, чтобы быть в раю. И куда же его?

Я не понимаю этих слов. Я не знаю, что значит «не рождён от воды и духа». Я не знаю, что такое вера. Я не знаю, почему этот свет, который я вижу, ещё не делает меня своим. Но я чувствую, что в этих словах нет жестокости. В них есть правда и есть боль. Господь не прогоняет меня. Он ищет для меня место. Он не хочет, чтобы я погиб. И от этого мне становится ещё горше: я не могу ничего сделать. Я не могу сказать: «Господи, я верю». Я не умею. Я не могу сказать: «Я хочу быть с Тобой». Я не знаю, что такое хотеть. Я просто есть. Я просто смотрю на Него и жду.

Ангел уже держал эту невинную душу. Это как раз я. Я смотрел на Господа и не знал, куда же меня отправят.

В этот миг я впервые почувствовал, что такое время. Не земное время, которое делят на часы и дни, а другое — когда одно мгновение кажется длиннее всей жизни. Я смотрел на Христа и ждал. Я не просил. Я не умел просить. Я только смотрел.

И приняв душу эту на руки, взглянув на Божию Матерь, сказала Она Христу:

— И это чадо моё, как и всякое любое чадо земное. Господи, прими её во Царствие Твоё по великой милости Твоей. Просто прими её и не во славе, но чтоб она не видела страданий.

Я не понимал, что значит «не во славе». Я не знал, что такое слава. Но я понял, что Божия Матерь просит за меня. Она просит не потому, что я хороший, а потому, что я беспомощный. Она просит не по заслугам, а по любви. И в этот миг я почувствовал, что у меня есть Мать. Не та, которая носила меня под сердцем и которую я никогда не видел, а другая — Небесная, Пречистая, Владычица. Она стояла перед Сыном Своим и просила за меня.

Господь, воззрев на Божию Матерь, уделил этому младенцу место неведомое и непонятное. То место, где этот ребёнок не сможет видеть свет лика Его, но и мучиться не будет. И останется эта тайна за семью печатями до тех пор, пока она не откроется.

Так и порешили. И взяв этого младенца, Он куда-то повёл его в непонятное и неведомое место.

Я не знаю, как это описать. Меня не несли по дороге, не поднимали по ступеням, не вели через ворота. Всё вокруг оставалось светлым, но этот свет становился иным. Он уже не был тем светом, в котором стояли Господь и Божия Матерь. Он был тише, мягче, будто вечерний свет в комнате, где кто-то долго молился. И в этом свете была не радость, а покой. Не полнота, а ожидание.

Я не знал, куда мы идём. Я не понимал, что со мной. Я только чувствовал, что меня всё ещё берегут. Господь не оставил меня. Он Сам взял меня на руки и понёс. И хотя я не видел Его лица так, как видел прежде, я знал, что Он рядом.

И тут я нашёл силы себе немножко спросить у Христа:

— Господи, а можно мне хоть иногда спуститься на землю и разговаривать с моими родственниками? Хоть как-то?

Пожалуйста!

Я сам не ожидал, что скажу это. Мне казалось, что я не имею права просить. Я ведь даже не знаю, есть ли у меня родственники. Я не знаю, были ли у меня мама и папа. Я не знаю, молился ли кто-нибудь обо мне. Но во мне вдруг поднялась такая тоска по тем, кого я никогда не видел, что я не смог молчать.

Господь посмотрел на меня. Я не знаю, что было в этом взгляде. В нём не было ни отказа, ни обещания, ни объяснения. Но в нём была такая любовь, что я перестал бояться. И только благословил, не сказав ни слова. И они дальше пошли.

Я не знал, что значит это благословение. Я не знал, разрешено ли мне спускаться на землю. Я не знал, услышат ли меня родственники. Я не знал даже, как их найти. Но я почувствовал, что моя просьба не отвергнута. Она принята. Она осталась в Его руках. И этого было довольно.

Мы шли дальше. Вернее, это я называю «шли», потому что у меня нет другого слова. На самом деле мы двигались не по земле и не по воздуху. Мы проходили сквозь тишину, которая была живой. Вокруг не было ни стен, ни деревьев, ни облаков. Было место, которое нельзя показать на карте.

Оно было не здесь и не там. Оно было как бы внутри самого милосердия Божия — сокровенное, тёплое, но не райское. Там не было ни страданий, ни той полноты, которую я видел в светлом месте. Там было ожидание.

Я лежал на руках Господа и смотрел вокруг. Мне было спокойно, но я всё время чувствовал, что чего-то не хватает. Не хватало чего-то главного. Я не знал, что это. Может быть, я не хватало самого себя? Может быть, мне не хватало жизни, которую я не прожил? Я не мог понять.

И я спросил ангела, который шёл рядом:

— Кто ты? Почему ты такой печальный?

Ангел посмотрел на меня, и я увидел, что в его глазах ещё больше любви, чем я думал. Он ответил тихо:

— Я твой хранитель. Мне было поручено хранить тебя, когда ты ещё был под сердцем матери. Но тебя не дали мне на руки в земной жизни. Ты не родился. И я не знаю, как тебя утешить.

Я не понял всех его слов. Я не знал, что значит «под сердцем матери». Я не знал, что значит «не родился». Но я почувствовал, что этот ангел печалится обо мне так, как печа-

лятся о самом близком. И мне стало его жалко.

— А у меня есть мама? — спросил я.

Ангел не сразу ответил. Он посмотрел на Господа, потом снова на меня и сказал:

— У тебя есть Тот, Кто создал тебя. У тебя есть Та, Кто просила за тебя. И у тебя есть те, кто на земле, может быть, помнит о тебе, хотя ты этого не знаешь.

— А они меня слышат? — спросил я.

— Не всегда, — сказал ангел. — Но иногда, если Бог позволит, до них доходит как бы тихий ветер. Они не понимают, откуда он. Они думают, что это память или сон. Но это может быть твоя любовь.

Я не знал, что такое любовь. Я только чувствовал, что во мне есть что-то, что тянется к тем, кого я не видел. Может быть, это и была любовь.

Мы пришли в место, которое я не могу описать. Там не было ни дня, ни ночи. Там не было ни холода, ни жары. Там был свет, но не такой, как в райских чертогах. Это был свет, будто проходящий сквозь занавес. Он согревал, но не пока-

зывал всего. В этом месте было много тишины. И в этой тишине я слышал иногда голоса.

Сначала я думал, что это мне кажется. Но потом я понял, что слышу землю. Не всю землю, а как бы отдельные её звуки. Где-то плакала женщина. Где-то кто-то молился. Где-то мужчина сидел в темноте и молчал. Эти звуки доходили до меня, как сквозь толстое стекло. Я не мог ответить. Я не мог даже пошевелиться. Но я слушал.

И однажды я услышал голос. Он был не такой, как другие. В нём была печаль и нежность. Женщина говорила тихо, почти шёпотом:

— Господи, если это был ребёнок... если это был мой ребёнок... прости меня. Я не знала. Я не понимала. Я не хотела. Прости меня.

Я не знал, она ли это. Я не знал, моя ли это мать. Но я почувствовал, что мне хочется сказать ей: «Не плачь». Я не мог сказать. Я только слушал. И в моём сердце поднялась молитва, которую я не умел произносить. Я просто сказал:

— Господи, утешь её.

Я не знаю, услышал ли меня Господь. Но я знаю, что в

этот миг мне стало легче. Будто кто-то коснулся моего невидимого сердца и сказал: «Ты не один».

Прошло ли много времени или мало, я не знаю. В этом месте время не имело надо мной власти. Я мог думать о земле и не стареть. Я мог ждать и не уставать. Но иногда мною овладевала тоска. Я смотрел в ту сторону, где, как мне казалось, была земля, и думал: что там сейчас? Кто там ходит? Кто смеётся? Кто плачет? Кто помнит обо мне?

Ангел иногда садился рядом со мной. Он не всегда говорил. Но его молчание было добрым. Однажды я спросил его:

— А что будет со мной потом?

Он ответил:

— Это не открыто мне. Но я верю, что Бог не оставит тебя.

— А это место — рай? — спросил я.

— Нет, — сказал ангел. — Это не рай.

— А ад?

— Нет. И не ад.

— А что же это?

Ангел задумался и сказал:

— Это тайна. Мне кажется, это место милости. Здесь нет мучений, но здесь нет и той полноты, которую Бог приготовил любящим Его. Это место ожидания. Может быть, для того, чтобы ты однажды смог сказать Богу то, что не успел. Может быть, для того, чтобы те, кто на земле, смогли сделать что-то, чего они не сделали тогда. Я не знаю. Но я вижу, что Бог не забыл тебя.

Я слушал и не всё понимал. Но я чувствовал, что в словах ангела нет лжи.

И однажды мне было позволено спуститься на землю.

Я не знаю, как это было. Я не шёл по лестнице и не летел по воздуху. Я просто почувствовал, что могу быть близко. И вот я оказался в комнате. Там было темно, только лампада горела перед иконой. На кровати лежала женщина. Она была бледная, уставшая, и я понял, что она плакала. Рядом с ней сидела другая женщина, старше, и держала её за руку.

Я не знал, кто они. Я не знал, зачем я здесь. Но я услышал,

как старшая женщина сказала:

— Ты не должна себя мучить. Бог милостив.

А младшая ответила:

— Я знаю. Но я всё время думаю: если бы я тогда не испугалась... если бы я не пошла на это... может быть, он был бы жив. Или она. Я даже не знаю, кто это был. Я даже не дала ему имени.

Я слушал и не понимал многих слов. Но я чувствовал, что она говорит обо мне. Может быть, не именно обо мне, но о таком же ребёнке, как я. И мне стало жалко её. Я не хотел, чтобы она плакала. Я хотел, чтобы она знала, что я не сержусь. Я не умел сердиться. Я не знал, за что мне сердиться. Мне просто хотелось, чтобы она была спокойна.

Я попробовал сказать ей:

— Не плачь. Мне не больно. Господь не оставил меня.

Но она не услышала меня. Она только заплакала ещё тише. И тогда я понял, что не всегда можно быть услышанным. Иногда можно только быть рядом. И этого тоже много.

Я стоял и смотрел на неё. Я не знал, мама ли она мне. Но в этот миг я почувствовал к ней такую нежность, будто она была самой близкой. Я сказал в сердце:

— Господи, если это моя мама, утешь её. А если это не моя мама, всё равно утешь её. Ей больно.

И в комнате стало как будто тише. Женщина перестала плакать. Она посмотрела на лампаду и сказала:

— Мне кажется, что он меня простил.

Старшая женщина спросила:

— Кто?

— Не знаю. Тот ребёнок. Я вдруг почувствовала, что он меня не осуждает.

Я хотел остаться, но не мог. Я почувствовал, что меня зовут обратно. И я вернулся в место тишины. Ангел ждал меня. Он посмотрел на меня и сказал:

— Ты был там?

— Да, — ответил я. — Я видел женщину. Она плакала. Я

хотел её утешить.

— И что ты почувствовал?

— Что я её люблю. Хотя не знаю, кто она.

Ангел улыбнулся. Это была первая улыбка, которую я увидел на его печальном лице. Он сказал:

— Может быть, это и есть начало. Может быть, любовь — это то, что связывает землю и небо.

Я не понял всего. Но я запомнил.

С тех пор мне иногда позволяли быть близко к земле. Не всегда. Иногда я только слышал голоса. Иногда видел сны людей. Иногда чувствовал, как кто-то молится обо мне. Я не знал, кто это. Но я был благодарен.

Я видел, как люди живут. Они смеются и плачут. Они рождаются и умирают. Они спорят и мирятся. Они молятся и забывают о Боге. Я смотрел на них и не понимал многого. Но я видел, что в каждом человеке есть что-то, что тянется к свету. Даже когда человек этого не понимает. Даже когда он делает зло. Это было для меня великой тайной.

Однажды я увидел мальчика. Он стоял в храме и держал свечу. Он был маленький, но уже умел креститься. Он смотрел на икону Божией Матери и что-то шептал. Я подошёл ближе и услышал:

— Матерь Божия, помоги моей маме. Она плачет.

Я посмотрел на его лицо и почувствовал, что этот мальчик — живой. Он ходит по земле, дышит, говорит, может обнять свою маму. А я — нет. И мне стало не завидно, а просто печально. Я подумал: как много я не смогу сделать. Я не смогу обнять маму. Я не смогу сказать ей: «Я тебя люблю». Я не смогу вырасти и стать человеком.

И тогда я услышал голос Христа. Он был тихий, но я узнал его. Он сказал:

— Не бойся. Я рядом.

Я обернулся, но никого не увидел. Только свет стал теплее. И я понял, что Он не оставил меня. Он никогда не оставлял меня.

Я спросил ангела:

— Почему Бог не сделал так, чтобы я родился?

Ангел ответил:

— Я не знаю. Это тайна. Но я знаю, что Бог не делает зла. И если что-то случилось, значит, Он может обратить это к добру. Может быть, ты не родился, но ты есть. Может быть, ты не прожил жизнь, но ты любим. Может быть, твоя жизнь — это не то, что ты делал, а то, что Бог делает с тобой.

Я не всё понял. Но я подумал, что, может быть, ангел прав. Может быть, моя жизнь не в земных днях, а в этом ожидании. Может быть, я должен научиться тому, что не успел. Может быть, я должен научиться любви.

И я начал учиться. Я смотрел на людей и учился. Я видел, как мать кормит ребёнка, как отец несёт сына на плечах, как старушка подаёт нищему, как священник молится в алтаре. Я видел, как люди прощают друг друга. Это было самое трудное. Я не понимал, как можно простить того, кто сделал больно. Но я видел, что они прощают. И я думал: если они могут, то и я смогу.

Однажды я увидел женщину, которая стояла на коленях перед иконой и молилась. Она говорила:

— Господи, я убила своего ребёнка. Я знаю, что это грех.

Я каялась. Я не могу простить себя. Помоги мне.

Я смотрел на неё и чувствовал, что не могу её осудить. Я не знал, что значит «убила». Я не понимал этого. Но я видел, как ей больно. И я сказал:

— Господи, она не виновата. Она не знала.

Но в моём сердце прозвучал ответ:

— Она знала. Но Я милостив.

Я не понял. Я не понял, как Бог может быть милостив к тому, кто сделал зло. Но я увидел, что эта женщина плачет. И я увидел, что она не злая. Она просто слабая. Она просто испуганная. И я подумал: может быть, Бог видит в ней не только грех, но и то, что она хотела бы исправить. Может быть, Бог видит её боль.

И я сказал:

— Господи, если Ты можешь, утешь её.

Я не знаю, что было дальше. Я вернулся в место тишины. Но я чувствовал, что моя молитва не пропала.

Шло время. Или не шло. Я не знаю. Я начал понимать, что место, куда меня поместили, — это не наказание. Это не забвение. Это место милости. Здесь не было страданий, но здесь не было и полноты. Здесь я мог ждать. И здесь я мог любить.

Я не знал, что будет дальше. Мне не открыли. Но я верил, что тайна за семью печатями однажды откроется. И когда она откроется, я увижу Бога лицом к лицу. Может быть, я увижу свою маму. Может быть, я увижу тех, кто молился обо мне. Может быть, я увижу, что всё было не напрасно.

Я не знаю, что такое рай. Я не знаю, что такое ад. Я только знаю, что Бог милостив. Я знаю, что Божия Матерь просила за меня. Я знаю, что Христос не оставил меня. Я знаю, что ангел хранил меня. И я знаю, что любовь сильнее смерти.

Я — тот, кто не родился. Я — тот, кто не видел земли. Я — тот, кого держали на руках в райских чертогах. Я — тот, за кого просила Пречистая. Я — тот, кому дали место неведомое и непонятное. Я — тот, кому благословили иногда спускаться на землю и разговаривать с родственниками.

Я не знаю, слышат ли они меня. Но я говорю. Я говорю тихо, как ветер. Я говорю в их сны. Я говорю в их молитвы. Я говорю: «Я не сержусь. Я не виню. Я люблю вас. Я жду.

И Бог ждёт».

Иногда мне кажется, что они слышат. Иногда я вижу, как женщина в комнате вдруг останавливается и смотрит в пустоту, будто прислушивается. И на её глазах появляются слёзы. Но это не слёзы горя. Это слёзы тихой надежды. И я думаю: может быть, это она почувствовала меня. Может быть, это я коснулся её сердца.

Я не знаю, сколько ещё буду ждать. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, откроется ли эта тайна при моей жизни или после. Но я знаю одно: я не один. Господь рядом. Божия Матерь просит. Ангел хранит. И любовь сильнее, чем смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.